

Россия, — 2004. — 12-18 авг. — С. 21

Юрий Мамлеев: «Россия
должна обрести веру в себя»

Беседовала Ольга Шатохина

Юрий Мамлеев — культовый писатель, одинаково почитаемый мудрыми литературоведами и отчаянными рок-музыкантами. Первый этап его творчества пришелся на незабвенную оттепель 60-х. Потом были эмиграция, жизнь в США и Франции, возвращение в Россию. Сегодня автор «Шатунов», «Неба над адом», «Блуждающего времени» размышляет, в чем мы, кому выпало жить в беспокойные времена перемен, можем обрести духовную опору.

— Юрий Витальевич, недавно мне довелось услышать рассуждения одного известного актера о том, что хорошие финалы в спектаклях и фильмах «нам не свойственны». У нас, мол, менталитет другой, нам подавай трагизм, мы же не американцы с их любовью к хэппи-энду... Но не вбивается ли таким образом в наше подсознание установка на неудачу? Что вы думаете по этому поводу?

Влияние влиянию рознь. Есть, например, массовая литература, а есть литература большая. Я бы сказал, что массовая культура — это не совсем культура. Это некая пропагандистская вещь, которая носит сугубо коммерческий характер. И все зависит от того, какую цель преследует государство или владелец телеканала. В нормальном обществе в массовой культуре должен господствовать пусть иллюзорный, но оптимизм. Это влияет на массы, ведь если человеку все время внушать — мы плохие, у нас все плохо, конечно, результат будет печальным. Мы наблюдали это совсем недавно... трудно судить, с какой целью это делалось. Массовая культура должна иметь сбалансированный характер.

Однако, когда речь идет о настоящем, глубоком искусстве, — все иначе. В большом искусстве трудно требовать решения социально-психологических задач. У настоящего искусства совсем другая цель, другой закон — закон отражения реальности. И если наша жизнь в целом по крайней мере драматична, если не сказать трагична, то настоящее искусство имеет право на ее отображение. Возьмем Шекспира, возьмем Достоевского — сколько в них драматизма! Но это отображение нашего мира, в котором человек живет короткую, часто очень трудную жизнь. Думаю, этот мир — лишь часть глобальной реальности, иначе все было бы слишком печально... Искусство не может это игнорировать. Но здесь действует совершенно иной фактор — очищающее страдание, катарсис. Когда мы читаем или смотрим трагедию Шекспира, душа все равно обновляется, поскольку произведение, созданное на таком уровне, с такой глубиной чувств, обладает свойством очищения. И потом, конечно, в настоящем искусстве заложен мощный импульс к жизни, который прорывается сквозь самые трагические перипетии сюжета. Поэтому к большому искусству нелепо предъявлять требования социального заказа. А к массовому — нужно.

— То есть уникальный фильм великого режиссера может быть трагическим, а телесериал должен быть оптимистичным?

— Да, пусть он будет оптимистичным. Это ведь все-таки не искусство, так, что-то вроде...

— Зато имеет широкую аудиторию.

— Да, имеет, потому что легко воспринимается. А потому и воздействует на людей. И значит, если нам будут внушать через фильмы или телепередачи, как в 90-е годы, что мы плохие и никчемные, — это ужасно. Дикое поражение! Даже когда происходит смена строя, так поступать нельзя. Когда большевики пришли к вла-

сти, они ругали монархию, поливали грязью старую Россию, но при этом всегда говорили — а вот наш строй хороший. Тогда было плохо, а теперь все сделаем, чтобы было хорошо. Страна хорошая, народ хороший, его угнетали, но теперь все наладится. Смена строя произошла самая радикальная, какая только могла быть, но оптимизм поддерживался.

А когда недавно произошла смена строя, создлось впечатление, что борьба идет не против старого строя, а вообще против страны. Не только строй был плохой, но плох весь народ и вся история. Это же самозубийство! Ни одна нормальная страна не может долго существовать в такой атмосфере. Это самоуничтожение. Если страна теряет веру в себя, она гибнет.

Самое главное, это было абсолютно несправедливо. По всем оценкам даже западных аналитиков, наша страна очень высоко развита по интеллектуальным и культурным параметрам. Хотя сейчас много брешей... Нам надо вернуть веру в себя!

— Это важно и для страны, и для каждого человека...

— Да. И на уровне всего народа, и на уровне отдельной личности. В 90-е годы резко возросло количество самоубийств. Русским такое не было свойственно... Социальный надлом, смена ценностей, да еще эта черная пропаганда.

— Воспитанное социализмом иждивенчество. Людей приучили рассчитывать на государство, а потом бросили.

— Да. Но социальный слом был неизбежен, а людей надо было поддержать. Провести, если угодно, разъяснительную, просветительскую работу. Мол, так получилось, это факт, нельзя рассчитывать на государство. Но жизнь-то не кончается! Пробудить просто желание жить, чтобы человек понимал — произошел слом, но это отнюдь не абсолютная космическая катастрофа. И надо теперь самому отвечать за благоденствие своей семьи. Все зависит от тебя! Можно бороться. Трудно, но можно. Возможно, если бы были приняты такие меры, какой-то процент людей был спасен. У кого-то все равно опустились бы руки, но значительную часть удалось бы спасти.

— Просто радоваться жизни мы не умеем. Вспору поучиться у тех же латиноамериканцев или испанцев?

— Да, есть у нас такая психологическая особенность. А Испания — очень мистическая, католическая страна. Но там действительно есть умение просто радоваться жизни. В европейской культуре с этим сложнее, здесь всегда были слишком высокие духовные вопросы и не всегда на них находились ответы. Европу всегда мучили социальные и духовные противоречия. А наша российская ментальность нуждается в высокой нравственной идее. Раньше Россия была православной, и ценности были определены, на них страна держалась тысячу лет. Потом пришли коммунисты, выдвинули свою идею — сильную, раз она захватила весь мир от Франции до Китая. Но эта идея оказалась неустойчивой. Ленин писал в 1917 году, что к середине тридцатых госу-

ОЛЬГА ШАТХИНА

дарство отомрет. А получилось 1937 год... Представьте, в какой утопии они жили? Даже мечтали, что смерть будет отменена... Главная ошибка марксизма — игнорирование человеческого фактора. Идея была очень мощная, но быстро выдохлась. И образовался страшный вакуум. Церковь сейчас заполнить его не в силах. Вера не может обесцениться, но доверие к посредникам... Поэтому проблема национальной идеи — одна из важнейших проблем современной России. Мы должны во что-то верить. Успех дела удесятерится, когда люди во что-то верят, тогда они могут совершать невозможное. Нужна новая идеология, вера в страну и вера в себя. Причем она должна исходить изнутри, из самых глубин человеческого сердца, а не насаждаться государством.

— А что за границей говорят на эту тему?

— Меня на Франкфуртской книжной ярмарке пора-

зило отношение немецкой критики к роману «Блуждающее время». Они писали — вот, вдруг снова оживила русская классика. И действительно, русская классика — это не просто обычный реализм, всегда в основе ее лежал какой-то мистический, религиозный или иной глубокий подтекст. А с другой стороны... я участвовал в радио-передаче, и ведущая сказала: после распада СССР Россия сошла с ума, и в частности, это отражено в русской литературе. Я удивился: что это значит? Почему она так считает? И она мне ответила: видите, в современной русской литературе очень много глубокого психологизма, очень много необычных описаний реальности. Мы не называем это метафизикой, сказала она, мы называем это психоделикой. Или — психоделической реальностью. У нее такой подход: это не просто реальность, но часть глубокой психики, которая, быть может, потом расцветет со-

вершенно невиданным образом. Я был с ней не согласен, но возразил: а что у вас было в искусстве — сюрреализм и прочее? Она сказала: это было, но авангард сейчас не главное, мы больше занимаемся социальными проблемами. Я думаю, это не всегда так. Бывают исключения. Но некая разность в подходах чувствуется. С моей точки зрения нельзя сводить все к психоделии. Мысль нельзя пощупать, но она реальна.

— Тогда расскажите об основном вами литературном направлении. Что такое «метафизический реализм»?

— Сначала надо задать себе вопрос: что такое реальность? С этого и начнем. Казалось бы, ответ прост. Реальность — то, что мы видим. На самом деле, каждый знает, что это только малая часть реальности. Потому что в реальность входят наше сознание, наши мысли и даже наши сны. Реальность — настолько глубинная, на-

столько всеобъемлющая вещь, что говорить о реальности как об описании обыденной жизни — это одна миллионная доля реальности. Метафизический реализм старается охватить всю реальность. Насколько это возможно. Всю реальность охватить невозможно... Все может охватить только Бог. Настолько, насколько доступно человеку. Это включает и наш довольно пошлый обыденный мир, и политическую реальность, но обязательно кроме этого должно быть что-то, указывающее путь...

— Дорогу к Храму?

— Не буду громко говорить — путь в Высший мир. Но мир глубин человеческой души, ее тайники, ее неизвестные стороны, а также те стороны жизни, которые скрыты от обычного взгляда, — это очень важно.

— Вас называют наследником традиций Гоголя и Достоевского. В чем вы видите эту преемственность?

— Они исследовали то, о чем мы говорим... Достоевский — глубинную реальность человеческой души, Гоголь уже вторгался в окраины невидимого мира в своих повестях.

— Что вы думаете о современной русской литературе?

— Россия и русская литература... Надо сказать, что в 90-е годы была такая тенденция — всячески принизить роль культуры вообще и литературы в частности. Сколько было насмешек даже над Пушкиным! Я не политик, я не знаю корней этого явления, но то, что оно приносило вред России и российской интеллигенции, — это очевидно. Выдвигались нелепые аргументы — что мы слишком литературная страна, что мы создали великую литературу, а хорошую жизнь не можем создать.

— Считается, что великое — это для узкого круга высоколобых.

— Нет. Великое просто осваивается трудно. А потом

оно становится частью национального самосознания, как русская литература для нас, например. Как Данте для итальянцев. Булгаков написал очень сложное произведение — «Мастер и Маргарита», но оно обрело широчайшую известность. Гениальное сочетание!.. Легкость, доступность — и одновременно глубина. Вдохновенное произведение!

— Говорят, что в современной российской литературе нет гениев, нет великих писателей. Вы с этим согласны?

— Знаете, во второй половине XIX века критики писали, что русская литература умерла. Это в то время, когда творили Толстой, Достоевский, Салтыков-Щедрин... Большое видится на расстоянии. Русская литература жива и сейчас. Чтобы общество это признало, должно пройти время. Но я рад, что публика заполняет книжные магазины, несмотря на то, что книги стоят дорого. А истинные ценности проявятся со временем.

— Но кушать-то все равно надо...

— Ясно, что наряду с этим страна должна быть социально направлена, в полной мере благоустроена. Это само собой. Но одно не противоречит другому, обе части дополняют друг друга. Свобода не исключает контроля над частным бизнесом, чтобы частный бизнес работал не только на себя, но и на страну. Так происходит во Франции.

— Высшая цель России — найти себя?

— Да. Для России важна проблема самобытности и национального самосознания. Как наш народ определяет свое внутреннее «я», свою сущность. Люди не могут жить только бытом. Когда нам говорят, что цель — это хорошая жизнь исключительно в материальном плане, это вызывает у меня раздражение. Человек не создан только для этого, иначе между человеком и животным не было бы разницы. И народы имеют какую-то высшую цель. Сейчас идет поиск, глубинные процессы самопознания... Я это чувствую как философ и как писатель. Могу сказать, что при всей нашей самобытности нам надо быть одновременно открытыми по отношению к другим культурам. Одно не исключает другого. Глубинная самобытность не подразумевает замкнутости.

— Как нам вернуть патристические чувства?

— На этот вопрос ответить нелегко. Возьмем для примера страну, которую я хорошо знаю и люблю, — Францию. Могу объективно сказать — французская литература тоже одна из великих литератур мира. Но жизнь во Франции в XX веке хорошо устроена. Литература не помещала этому! Да и Германия — какая там литература, какая философия! А немцы живут очень хорошо, Германия считается одной из наиболее благоустроенных стран мира. Мне не раз приходилось слышать от французов, что величие Франции как раз основано на ее культуре, а не на наполеоновских войнах. То была имперская вспышка, но она прошла, а культура была до нее и продолжалась после. И все французы согласны, что величие Франции основано на французском языке и французской литературе. Точно так же величие Греции основано на культуре Древней Греции, прошло два с лишним тысячелетия, а все равно она изучается.

Я считаю, что так же должно быть и в России. Культура является частью нашего сознания и, безусловно, частью нашего вечного величия. Поэтому патриотизм может быть возвращен через осознание грандиозности русской культуры.

Слова

Ник Рок-н-Ролл, панк-рокер:

— Название моей группы «Три Души» взято у Юрия Мамлеева. Я в детстве был совершенно книжным ребенком. Юрий Мамлеев и сейчас остается одним из моих любимых писателей. Мы с ним знакомы, иногда созваниваемся с Юрием Витальевичем и его женой Машей, и я очень горжусь этим.